

since θ is between
 $\text{rad } 2\pi$, $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Печев Сергей

Конструктор счастья

$\beta = \psi, y = -5$
 $P(V_1 - V_2)$
 $\frac{\pi}{2} \leq \theta \leq \pi$
 $x \text{ end } \pi, xy = 5$
 $= A + B \text{ end } \pi$
 $\theta + \theta \leq \pi$
 $= A - B$
 $\cos \pi = -1$
 (2)

Сергей Печев
Конструктор счастья

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Печев С. А.

Конструктор счастья / С. А. Печев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2167-6

Пропавшие без вести, бесследно покинувшие свои дома – они в притонах и пыльном запахе освежителя воздуха, в героиновой зависимости и порно. Сотни тысяч голов транзитом между странами, чтобы стать частью механизма. Они отдаются людям в виде почек и маленьких сердец. «Конструктор счастья» - мы способны продлить жизнь вашего ребенка. Торговля органами, усыновление – любая категория услуг и товаров до 18 лет. Мои 25% от суммы сделки, оплачиваемое проживание, плюс сопутствующие затраты. «Конструктор счастья» - соберите счастье своими руками.

ISBN 978-5-5321-2167-6

© Печев С. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Sergey Pechev.

«Конструктор счастья»

1.

Я открываю глаза и чувствую приятный запах освежителя воздуха. На высоте 8000 метров я нахожусь настолько близко к Богу, что он способен различить мои просьбы. О чем я прошу? Прошу ли я?

Вечный вопрос.

Я хочу лишь одного, чтобы этот самолет упал вниз, чтобы в бесформенном остатке кишечной массы и жареного металла, люди вряд ли обрели мой лик. Я хочу раствориться в бурлящей бездне химикатов и пассажирских кресел. Я хочу укрыться в кровавой тени тех, кто остался чист перед миром и воскресными походами в Церковь. В их ореоле, за знаком их святости, трагедия скроет мои грехи, и Бог простит меня. Он простит всех нас.

На высоте 8000 метров, я смотрю в иллюминатор. В мои глаза врываются пики скалистых гор, мелкие вереницы дорог, что спутываются в один сплошной ком аварий и просьб. Их сменяют облака, и я, в металлической оболочке, словно на экскурсии в театре мечты, проникаю в рай, чтобы лично встретиться с Богом и его сыном, с ангелами, которые поют оды заходящему солнцу. Меня наполняет теплом, словно я обрел неповторимый остров блаженства.

Таких, как я, сюда не пускают.

Эта мысль входит в душу, превращаясь в острые бритвы, которые рвут мое нежное мясо.

Облака сменяет пыль больших городов, бережные лучи солнца, и я отвожу глаза. Мне стыдно смотреть в этот мир и видеть в нем свое отражение. Он слишком чист для меня.

На высоте 8000 метров я мечтаю, чтобы у нашего самолета отказали двигатели.

Отправьте меня по Стиксу. Мне не нужна лодка. Положите мое тело на деревянный плот, обставьте его свечами и пустите по реке. Я недостойн почести. Отправь меня, как мертвую собаку, чье тело выгрызают мухи. Я так же ужасен внутри, как и снаружи.

Рядом со мной – Молли.

Она закуталась в теплый плед, хотя температура в салоне вполне пригодна для нашего существования. Я вижу лишь ее старые морщинистые руки, хотя ей всего двадцать восемь лет. Молли укутывается глубже в серый плед, и ее сухие губы теряются за сплетениями шерсти. Поношенная кожа обтягивает мышцы ее лица, отливая золотым налетом болезни. Лишь большие глаза очаровывают восторгом. Они наполнены двумя синими бассейнами. Восход в ее глазах так очевиден, по мелким красным рекам, которые впадают в океаны. В них можно утонуть. Бог, спусти меня в Ад по столь загадочным дорогам, и я смогу тебя простить. Я прошу всех вас.

Молли смотрит в меня.

Я смотрю в Молли.

Мы видим жизнь и то, как бьются сердца.

Я перевожу взгляд на ее лицо. Редкие ресницы и вязаная шапочка, которая скрывает лысую голову.

Молли больна. У Молли СПИД.

По небольшим ямочкам на ее щеках я понимаю, что она улыбается. Ее губы скрывает плед, и я не вижу их. Молли аккуратно кладет голову на мое плечо и закрывает свои глаза.

Молли осталось не больше года по подсчетам врача, у которого мы были на приеме несколько месяцев назад. Ее внешность умирает, и лишь глаза, как панацея, замедляют эту смерть.

На высоте 8000 метров меня беспокоит совершенно другая вещь. Небольшая холодильная камера, сделанная под коричневый чемодан.

Когда ты летишь первым классом, транспортировка груза становится формальностью. Особенно, если учесть купленных бортпроводников и нескольких пилотов. Они ведь не знают, что внутри моего чемодана, а значит, совершенно чисты в своей совести, перед Богом. Деньги убивают человеческое любопытство. О грузе знают лишь я и Молли. Я бы предпочел этого не знать. Слышишь меня?

На высоте 8000 метров меня беспокоит маленькая почка, что находится внутри холодильной камеры.

Чемодан оббит мягким коричневым материалом. Велюр? Замш? Лишь холодная ручка выдает его содержимое, его истинное предназначение.

Маленький Ричард ждет свою почку. У Алисы умер сын, ей необходимы деньги. Инверсия человеческой судьбы, и на высоте 8000 метров я исполняю их мечты. Я подобен Богу, и слишком далек от него, вплоть до Люцифера. Ведь, и он был когда-то красив. Я тоже был красив.

Маленький Ричард ждет свою почку. У Алисы умер сын, ей необходимы деньги. Я лишь помогаю им обрести желаемое. Никаких имен. Зачем я знаю их?

Ответь мне, Молли.

– Красиво тут – говорит Молли.

– Где? – я улыбаюсь, мне нравится слышать ее голос.

– На облаках. Я хочу жить тут. Когда меня не станет, я хочу любоваться самолетами и думать, что в них летаешь ты. Твои глаза направлены на землю, а я смотрю и жду, когда ты приедешь ко мне. Я буду ждать, правда. Ты ведь приедешь ко мне?

– Обязательно – я легонько сжимаю ее руку.

Молли знает, что таких, как я, сюда не пускают. Она знает, но верит. На высоте 8000 метров она верит, и Бог ее слышит.

Я продаю людей. Людей до 18-ти. Усыновление, продажа органов, сведение клиента и заказчика на нейтральной территории – это все я.

Категория до 18-ти. Продажа любой части человека, либо приобретение ребенка в совокупности органов и жизни.

В холодильной камере под моим креслом 100 000 долларов. Вряд ли когда-нибудь за почку Вам предложат большую цену. Единственное, что может на это повлиять – редкая группа крови. В четверг я доставил в Будапешт 160 000 долларов – стоимость здоровой печени. Я – курьер, мои двадцать пять процентов с каждой сделки, не считая оплачиваемый отель, дорогу и проживание.

Вы не увидите по телевизору реальные цифры людей, пропавших без вести. Режим скрывает все, что не может контролировать.

Бог, расскажи им о реальности, в которой купить человека так же просто, как кофе молку, либо втулку для унитаза. Поведай миру о том, как людей разбирают на органы, продают в качестве рабов и проституток. Расскажи им об усыновлении и о том, как родители отказываются от детей за 2 000 долларов. Раскрой им глаза на то, что новорожденные дети идут в комбайн донорской крови, органов. Покажи врачей, которые раздирают детские трупы, чтобы существовать в этом мире. Бог, чего ты ждешь? Ты меня слышишь? Расскажи миру о том, какое я чудовище. Поведай Земле, людям, твоим созданиям, как директора детских домов продают воспитанников под видом их побега. Покажи грязь, которую не транслируют по ТВ. Обозначь человека, как дорогой товар, как велюровые простыни, как золотую подвеску.

Бог, расскажи им о мире, и прости их. Прости всех нас.

В ответ, либо благодарность, мы простим и тебя.

2.

Я открываю дверь в гостиничном номере. Комната «Люкс» с двуспальной кроватью и мини баром. На красных шторах виднеются узоры, что сплетаются в бесконечный рисунок Дали. Они скрывают темноту, пока хвойный запах врзается в наши ноздри.

Я закрываю дверь в гостиничном номере.

Здесь так чисто.

Бежевые стены удерживают на себе портреты известных людей, которые были здесь, нюхали кокаин и спали с молоденькими овечками, слишком падкими на деньги. Да и мне ли судить о человеческой алчности? Мне?!

Приятный свет двух настенных ламп, что находятся сразу над изголовьем кровати, касаясь длинными веревочками дубовой мебели, падает на красные подушки, заставляя их менять свой окрас. Мягкое покрывало, а на нем неизвестный шедевр. Все мы безлики в общей массе. Письменный стол пахнет лаком, а широкий плазменный телевизор транслирует новый выпуск новостей. Говорят о преступности, о красивой жизни, о богатстве, о госслужащих – они говорят обо всем, кроме того, как пропал маленький Роберт, что «сбежал с детдома». Рассказывают о войне на востоке, о политических угрозах, но ни слова о Роберте и его печени в теле маленькой Луизы, о глазных яблоках для Моники, о костном мозге для Макса.

– Выключи это, пожалуйста – Молли отдает мне черный пульт с сотней кнопок.

Раньше я нажимал на кнопки лампового телевизора. Две кнопки – вперед, назад. Человечество проникает в прогресс, но совершенно не облегчает жизнь.

Я нажимаю на кнопку.

На экране проявляется темнота, которая сменяется анимационным фильмом о жизни диких зверей. Задорная музыка. Я хочу спросить у Молли, оставить ли мне это, но, обернувшись, я вижу лишь ее голую спину, которая пополам рассечена шлейкой белого лифчика. Я вижу следы и шрамы, пока черная юбка ползет вниз, к коленям, оголяя попу. Белые трусики. Молли возбуждает меня. Однажды, мы переспали. Это случилось до того, как у нее обнаружили СПИД. Теперь я просыпаюсь в постели с ней и не могу насладиться ею. Хотя, я научился заменять наслаждение теплотой тела Молли, нежными складками морщин, сухостью ее ладоней. Она снимает вязаную шапочку и бросает ее на дорогой ковер.

Комната «Люкс». Мы всегда снимаем самый дорогой номер в гостинице. Желание выжать максимум? Уединение на последнем этаже под большими окнами?

Я так и не ответил на эти вопросы.

Молли поворачивается ко мне лицом и улыбается. Я люблю ее улыбку.

– Я ужасна? – в ее глаза проникает грусть.

– Прекрати такое говорить – отвечаю я.

В этом приятном свете, возможно, слишком сладком и приторном, я вижу, как небольшие трещинки ее кожи заполняются красным оттенком, словно в ней пылает рассвет. Мелкие изъяны, сигаретные шрамы, нестандартная полнота бедер – все это приобретает иные очертания, пока две настенные лампы обливают комнату лучами солнца. В этом восходе я утопаю, пока Молли хлопает большими глазами, а на ее лице рисуется улыбка. Я люблю ее улыбку.

Молли расставляет руки, демонстрируя тонкие вереницы вен болотного цвета, словно я вновь оказался на высоте в 8000 метров. Она подмигивает и падает назад, приземляясь точно на кровать.

На экране зеленый удав и оранжевый слон. Мультипликация успокаивает ее.

– Оставить?

– Да – тихо отвечает Молли.

Я бросаю пульт от телевизора, и, словно под разрядами постоянного тока, он прыгает на поверхности мягкой двуспальной кровати.

Я смотрю в окно, держа в руке бутылку водки из мини бара. За нее придется заплатить. Не мне, поэтому плевать. Я делаю большой глоток, чувствую, как водка обжигает десна и горло,

пока мои усталые глаза изучают огни неоновомого города. Тысячи машин на дорогах в бездну, миллионы людей и сотни клубов для отморозков. Их жизнь бесформенна, бесполезна. Кто-то пытается выспаться перед воскресным походом в Церковь, где Бог примет их на шаг ближе, чем было задумано. Остальные качают детей, учат и пишут дипломные работы, смотрят матчи НХЛ, либо НБА. Ночь играет усталостью, и дети засыпают, пока янтарный город мучается бессонницей. Смогу ли уснуть я? Кто его знает.

Еще один глоток.

За окном не видно звезд. Их убивает свет неоновых табличек. Щелк, щелк, щелк – и небо прячет изумруды под колпаком облаков. Люди спешат, люди готовы бежать, люди бегут, люди оставляют за собой лишь память на несколько лет. Пустая оболочка сменяется талантом, шедевры подменяют большинством – кадр за кадром, жизнь за жизнью. В потоке бесконечности генофонда мы обретаем покой. Одно я знаю наверняка – я глуп, а незаменимых нет.

Обжигающий водопад в полости рта.

За окном видны машины. Крыши мелких домов осыпает свежий дождь. И небо плачет от своей никчемности, ведь дети больше не летают в космос. Пыльный воздух города умирает, и мелкие капли дождя висают в пространстве, обволакивая отблески последних звезд, чтобы сохранить их в памяти до земли. Бензиновые лужи меняют узоры от подошв и окурков.

Молодость.

– Иди ко мне – я слышу голос Молли.

Шторы скрывают капли дождя, и я остаюсь одиноким в собственных мыслях. Я слышу, как они стучат в мое стекло в номере «Люкс», но не открываю им путь, заставляя умирать на пыльном окне.

– Иди ко мне – повторяет Молли.

От штор пахнет хвоей. Я вижу лишь тень, и этого достаточно, чтобы проникнуть вглубь собственной души.

Я ложусь в мягкую постель. Молли прячется под одеялом, и я вижу лишь ее лицо. На мне синяя рубашка и черные брюки. Уже давно я не раздеваюсь, когда сплю рядом с Молли. Это случилось еще до того, как у нее обнаружили СПИД. Я уснул пьяным в куртке и ботинках, она даже не притронулась ко мне. Это вошло в привычку. А, как известно, привычки губят людей. Теперь я лежу в брюках и синей рубашке, пока Молли все глубже проваливается под одеяло, пряча от меня свои сухие губы.

На экране вновь новостной блок. Они рассказывают о нефти и долларе, о забавном случае в российском зоопарке, о промышленности и мировой экономике, но ни слова о Кэли, которая лишилась маленького сердца, ни буквы о Бобби, который пропал неделю назад. Его не обнаружат, ведь Бобби стал частью Кэрлайн, Мипси, Саймона. Детский конструктор «собери сам».

– Переключи, пожалуйста – произносит Молли, и я вижу, как ее глаза наполняются глубиной.

Я нажимаю кнопку. Экран принимает темноту, а после меняет ее на футбольный матч. Красивый газон стадиона, громкие английские песни.

– Дальше – говорит Молли, и ее глаза закрыты.

Я нажимаю кнопку. Темноту меняют слезы актеров и актрис, пока на молочном снегу растворяются капли красной, горячей крови.

– Дальше.

Темнота приносит яркие гирлянды и мультипликационные лица, воссозданные из пластика и анимации.

– Оставь – Молли открывает глаза.

Мы лежим рядом, она под одеялом в нижнем белье, я на кровати в брюках и рубашке. Между нами сантиметры ткани, миллиметры плотного воздуха. Я смотрю в потолок, украшенный резаными узорами, и вижу в них сплетения ночного города и линии судьбы, словно на

моей ладони. Я помню, как Молли предсказала мне смерть, а на следующий день у нее обнаружили СПИД. Ироничное совпадение.

– Сделаешь обо мне мультфильм, когда меня не станет? – Молли улыбается.

Я касаюсь ее грубой ладони.

– А что ты хочешь в нем увидеть?

– Я? – Молли бросает наивный взгляд, как у ребенка, либо преданной собаки – Я хочу, чтобы в нем кружили бабочки. Они будут лететь к горячему солнцу и таять, словно плитка шоколада. Я хочу, чтобы их следы оставались на бутонах синих цветов. Пусть они остаются в поле, на тонких листьях зеленых деревьев. Я хочу, чтобы они стремились к солнцу, но так и не смогли коснуться его лучей. А над ними, за пеленой облаков, я буду наблюдать за изменением чистой красоты. Ты же сможешь найти меня?

Я закрываю глаза и слышу слова Молли. Я внимательно изучаю ее голос, пока слова не начинают прыгать в тональности боли и символизма. Сон нежно окутывает мой разум. В один момент, сновидения перестали спрашивать разрешения на стоянку. Они настигают меня в метро, в самолете, поезде, на улице и общественных праздниках. Под звуки парада меня выключает от реальности, втаскивая в липкий анабиоз, слишком приторный, чтобы в нем существовать вечно. Сны приходят и отпускают вновь. Я больше не в силах их контролировать.

Нарушение сна?

Нарколепсия.

– Я хочу, чтобы меня нарисовали лучшие художники и принесли в жизнь опытные мультипликаторы. Понимаешь? – продолжает Молли, пока я засыпаю – Я буду жить за пределами облаков. Помнишь? Там, куда так редко входят самолеты, откуда совершенно не идут поезда. Нарисуй меня за облаками, как я люблю ангелов и жду твоего возвращения. Создай обо мне мультфильм, где ты умираешь. Ты умираешь, а я обнимаю тебя за плечи.

Нарколепсия. Ею страдает 1 человек из 1000. Я особенный? Либо проклятый объект вселенной?

Внезапные засыпания, синдром тряпичной куклы, галлюцинации при пробуждении и перед сном – все это я. Человек, словно синоним болезни, мертвый в своем развитии.

Нарколепсия появилась в моей медицинской карте 4 года назад. Что произошло за это время? Я засыпаю в метро и просыпаюсь на конечной станции, я не могу нести пакеты в руках, оставляя их на заснеженном покрывале февраля, я вижу трупы маленького Роберта и более взрослой Сарры у себя в постели, когда открываю глаза.

– Я обнимаю тебя за плечи и растворяюсь в тебе – продолжает Молли, пока я засыпаю – Мы встречаем восход, когда ночь обволакивает Землю, и провожаем закат, когда людям необходим свет. На облаках инверсия жизни и интерпретация добра в райских садах. Создай мультфильм и приходи ко мне. Ты придешь?

Я уже не слышу ее слов. Они доходят пыльными отголосками, проникая в перепонку по средствам скалистого шума. Знаешь, этот момент, когда горы создают эхо, пронося твои слова сквозь поколения. Перед глазами я вижу те самые облака, о которых говорила Молли, самолеты, что разрывают крыльями свежую вату небес, ее лик и наши объятия.

Нарколепсия, и я засыпаю, ожидая автобус на остановке. Я сплю, когда меня выбрасывает в космос, закрываю глаза, отдыхая в голубой лодке на озере моего дяди. Я сплю там, где людям это делать нельзя. Я освобожден? Особенный ли? Один из тысячи!

Я чувствую нежность ее голоса, миллиметры слоеного воздуха между нами, грубость кожи, мечты и радость, наслаждение и любовь.

Нарколепсия, и я засыпаю.

3.

Я открываю глаза. Запах моря бьет мне в нос, будоража рвотные рефлексы моего измененного организма.

Сколько я спал?

В салоне тепло. За окном пролетают птицы и ряды разноцветных машин. Грузовые фуры превращаются в белоснежных касаток, принимая крупницы небесного пепла металлическим кузовом, интерпретируя их под капли океанской воды. Они выныривают из тумана, который разрезается на ровные доли желтым бликом неоновых фар.

Это сон?

Я вижу неровные черные следы шин. Они мелькают, задерживаются на секунду, а после пропадают в бесконечной дороге, за пышными рядами хвойных деревьев.

Пикапы с детьми, легковые автомобили с людьми, что спешат в свой душный офис, небольшие фургоны – и мой сон меняет их сверкающими рыбами. Я хочу коснуться пальцами рук водной глади, но вновь закрываю глаза.

Когда я проснусь, все это останется сном.

По радио очередной выпуск новостей. Экономический кризис, спортивные мероприятия, салюты к Рождеству, новогодние распродажи, но ни слова о маленькой почке в морозильной камере.

Я открываю глаза, и аромат свежей рыбы наполняет мои легкие.

На приборной панели, под зеркалом заднего вида статуэтка Иисуса, которая трясет головой при каждой кочке на заснеженной дороге. Я смотрю в его глаза, он отвечает тем же. На секунду я хочу покаяться в своих грехах, но вспоминаю, что он не простит меня. Мне кажется, что это взаимно.

– Долго еще? – спрашиваю я.

Водитель поворачивается ко мне, отпуская из-под внимания заснеженную трассу.

– Час – отвечает он, и я вновь закрываю глаза.

Вспоминаю нашу уютную квартиру в Стокгольме. Я оставил Молли одну. Ее состояние резко ухудшилось за последние несколько недель после того, как мы вернулись из Лос-Анджелеса. Приступы боли усилились, а кожа все так же теряет свой настоящий оттенок. Молли стала похожа на сушеную рыбу, либо мумию. Она лишь смотрит в окно и ждет. Молли ждет смерть, и это стало взаимностью.

Я обещал быть с ней, но даже не смог появиться на похоронах отца. Он умер в прошлый четверг, а я даже не плакал. Иногда, мне кажется, что за эти годы я разучился плакать искренне. Куда делись мои чувства? Почему я так часто ощущаю холод в своем сердце?

Молли рассказывала, как выглядит моя мать, как синее тело отца погружали в землю, как падали красные розы на его могилу. И в момент соприкосновения бутонов и земли, искусство пачкается грязью реальности. Она рассказывала, как много слез падало вниз, что мой дядя не мог удержать в себе боль, успокаивая мать. А я? Мне плевать. Люди рождаются, чтобы умереть. Именно этот миг, от рождения до смерти, либо жизни иной, можно считать той самой жизнью.

Во мне нет ни скорби, ни печали. Я робот, механизм без пружин и вен, без нервной системы и возможности сопереживать. Я – оболочка, для очередной оболочки. Своеобразная эмоциональная матрешка. Разбери меня на части и расскажи миру о бесчеловечности, об алчности и галлюцинациях. Рассмотрю меня под микроскопом, чтобы я почувствовал себя на секунду жалкой бактерией в зараженном организме общества. Вырежи меня, как злокачественную опухоль, чтобы я не смог убить ваш мягкий мир.

Земля падала на красный гроб, а Молли плакала. Она плакала, потому что так принято. Общественные нормы порождают стандарт мышления, а стандарт дарит зависимость и рамки.

Молли рассказывала, как седая мать ждала меня у гроба. Возможно, она и сейчас там, а я здесь желаю пересечь очередную границу, чтобы маленький Освальд получил право на жизнь. Меня перестало волновать то, из кого вытянули почку, сколько людей остаются брошенными

без органов в братские могилы в лесах Латвии и Сербии. Это не мое дело. Я – курьер. Мои двадцать пять процентов от каждого заказа, плюс оплачиваемый отель и проживание.

От Гамбурга до Амстердама. Свежая норвежская рыба.

Я открываю глаза. Рядом со мной водитель и маленький Коли. Я смотрю в его глаза, они залиты кровью. Треснутые губы соприкасаются друг с другом, и он молчит. Лишь смотрит сквозь меня, словно я призрак, невесомый, незаметный. И это очередная ошибка. Ведь из нас двоих реален только я. Маленький Коли – очередная галлюцинация после пробуждения. Его голое тело отдает трупной белизной, на которой разрастаются гниющие метастазы. По ярким венам, которые отчетливо выделяются на его теле, создавая загадочные узоры Бога, бежит черная гнилая кровь. Она наполняет мешки под глазами, и я хочу признаться миру в своей убогости.

– Если не секрет, что Вы везете? – спрашивает водитель с татуировкой змеи, которая проходит от самого рукава его синего свитера до пальцев.

Коли открывает рот. Из уголков губ сочится черная кровь. Он пытается что-то сказать, но я лишь вижу, как рвутся сухие соединения, а в глазах ребенка появляются слезы и гнев. Давай, расскажи мне то, что не дает тебе спокойно спать в своем уютном голубом гробике! По его телу проходить ужасный шрам от шеи до паха, изогнутый и выполненный в стиле змеи. И ее голова открывает свои сухие губы, чтобы они трескались.

– При всем уважении, Вам лучше не знать этого – отвечаю я.

Я бы предпочел этого не знать. Слышишь меня? И я смотрю на Иисуса, который одобрительно качает головой, когда наш фургон подпрыгивает на очередном ухабе. Он передаст.

Коли открывает рот, и трупные черви выползают на свет очередного дня. Маленькие желтые личинки падают на его голые колени вместе с могильной землей. Я вижу, как по горлу ползет грязный ком крови и рвоты, чтобы упасть в реальность, поразить мой безразличный взгляд.

Я привык. Меня пугает отсутствие маленького Коли, Петра, Луизы, нежели их прямое присутствие. Пугает само переживание за детские трупы и их души. Я открываю глаза в постели, в метро и мертвые дети преследуют мое измученное тело.

Губы Коли двигаются, изо рта доносится писк.

– За что? Я мертв?

Его губы, моя нарколепсия, галлюцинации, знакомые из долгих лет. Мои ресницы сплетаются в объятия, я делаю большой глоток воздуха и вновь открываю глаза.

Коли больше нет.

В салоне лишь я, водитель, чье имя не знаю и знать не хочу, Иисус с болезнью Паркинсона и хрипкое радио с сюжетом про ДТП, но без историй о «детском конструкторе». Молли попросила бы выключить, я ее знаю, но мне, вдруг, стало безумно интересно, скольких людей погубила бессмысленная погоня на заснеженных трассах, спешка к душному офису, либо очаровательной семье.

За окном фургона пролетают черные машины и разноцветные птицы. Я хочу улыбнуться, но совершенно забыл, как это сделать, когда рядом нет Молли. Бесчувственное создание механической цепочки алчных личностей.

От Амстердама до Брюсселя.

ЕС и открытые границы. Улучшение сотрудничества для экономики и бизнеса не могло ни сыграть значимую роль в транспортировке маленьких сердец и почек. Теперь появились целые империи. Органы могут изымать в Латвии и без проблем доставлять во Францию. Подобный размах способствует лишь тому, что рынок «товара» и услуг охватит всю Европу. Тем более, если у Вас есть необходимые деньги, то весь мир будет лишь отдельными рынками сбыта. Страны поставщики, скупщики и даже спекулянты на человеческих органах. Организованная интернациональная сеть торговли людьми имеет возможность не только покупать людей из

разного класса, но и готова обеспечить курьера всем необходимым от денег до фальшивых документов, что гарантирует безопасность. Мы способны изменить маршруты такси и междугородних автобусов, забраться в каждый дом, в каждую голову, чтобы управлять торговлей, бизнесом. Человек стал дозой наркотика, стопкой виски с более дорогим ценником, плюшевой игрушкой, либо тампоном. Плевать. Главное – доход. Торговля людьми приносит около 9 000 000 000\$ в год. Из них, около 40% – органы и кожные ткани.

Детей похищают, их отдают любящие родители, чтобы покрыть долги, либо за несколько сотен долларов. Детей перевозят из страны в страну, где заставляют работать за кусок хлеба и чашку воды, втягивают в порно бизнес, где они умирают на камеру, разбирают на органы и вшивают в детей поменьше.

Бог, расскажи им об этом. Открой усталые глаза.

Водитель сжимает руль, и в этом движении я замечаю его желание говорить. Люди всегда болтают, когда им скучно, невыносимо в серости собственного одиночества.

– У тебя есть дети? – спрашивает он, и меня передергивает, словно старое ружье.

У меня есть комплекующие.

– Нет – я слегка улыбаюсь.

– У меня двое. Я закурю? Не против?

Отрицательно киваю головой. Плевать. Все мы умрем, будь то рак легких, либо эпидемия чумы. Все мы сгинем в бездне.

– Старший в первый класс пошел – он продолжает говорить на ломаном английском.

Единственное, что я обожал в школе, так это – учить языки. Никогда бы не подумал, что мое умение найдет столь мерзкое продолжение. Я читал романы на иностранных языках и оставлял письма Молли. Мы в центре Парижа отдаем легкое – я пишу на французском. В Мадриде маленькое сердце уходит из наших рук под слова на испанском. Я открываю для себя мир, замыкаясь на письмах. Иногда, мне кажется, что в них я живу. Для них живет Молли.

– Младшая только научилась ходить. Бессонные ночи. Хорошо, что есть работа – он подмигивает и улыбается, даже не представляя того, что в его фургоне маленькая почка ожидает своего клиента – Любишь детей?

Интересно, сколько скрытых чувств в нем способна убить истина? Мои несколько слов, его психологическая травма. Когда он говорит о детях, в его глазах загорается добрая страсть. Я ощущаю, словно он сам проваливается в детство и, наслаждаясь моментом, готов отдать все, чтобы его отпрыски были счастливы. Это достойно уважения.

– Не думал об этом – отвечаю я и улыбаюсь.

Тяжелый никотиновый дым оседает у меня в горле. Миниатюрные бритвы начинают резать аорту и легкие. Мне тяжело дышать. И первое впечатление сменяет ласковый вкус табака. Я ведь тоже когда-то курил.

– Зря. Дети – детали жизни.

И он сам не представляет, сколько смысла вкладывает в эту фразу. Меня слегка тошнит. Перед глазами миниатюрные бледные лица на фоне уродливых шрамов и холодных врачей. Дети – детали жизни детей.

– А тебе куда конкретно в Брюсселе надо? Есть адрес?

Точно.

Я начинаю копаться в карманах. Куда я ее засунул? Мои пальцы трогают мобильный телефон, зажигалку, ключи от нашей уютной квартиры в Стокгольме, деньги в заднем кармане. Я продолжаю ворочаться, пока не натыкаюсь на маленький бумажный сверток.

– Я знаю, где это находится – произносит он, спустя несколько минут после того, как увидел синие расплывчатые от пота буквы – нам стоит прибавить.

Белая стрелка спидометра начинает клониться вправо. Я натягиваю кепку на свои уставшие глаза и закрываю их.

Под медленный полет нашего автомобиля, под едва заметный хруст снега мне снятся сны.

Я вижу широкую речку. Заходящее солнце на замерзшей равнине. Снег так невероятно искриться в сплетениях искусства, что я не могу отойти от пейзажа моей юности. Белый деревянный мостик, шаткий от налета лет. Его покачивает ветер, и снежный покров падает на лед, под которым замерзают водолазы. Я так одинок, но взглядом ищу Молли. Мы с ней даже не знакомы.

Этот странный эфир новостей, где рассказывают о поджогах и убийствах, идет фоновым рядом к картине перед моими глазами. Я сплю, но забираю реальность, ее мелкие обрывки, в свой липкий приторный сон.

Над равниной кружат черные вороны с голубыми глазами. Они меняются на множество красок, но сходны в полете и чистоте. Оранжевый снег на фоне заката, и мне кажется, что под ним просыпается вулкан. Я становлюсь на лед, и он расходится трещинами, создавая уникальную паутину. В природе не существует два одинаковых узора. Она оригинальна. Трещины скрипят под небольшим слоем снега, и я медленно проваливаюсь в холодную воду. Моя одежда намокает, и меня зовут вниз бледные лица русалок, что стали седыми за проведенные ночи одиночества. Они поют старую песню:

Плыви ко мне.

Оставь весь мир,

Мы умрем на дне,

Только я и ты.

Их голос такой холодный, что я чувствую его сквозь ледяную воду. Он пробирается под мокрый пуховик, свитер, кожу, ребра. Голос касается моего сердца, и я умираю, опускаясь на самое дно в объятия старых седоволосых любовниц Посейдона. Я умираю и открываю глаза, когда машина резко останавливается.

– Приехали – говорит водитель, чьего имени я не знаю.

Никаких имен.

– Чтобы найти Б16, тебе надо идти прямо, вплоть до стены. Понял? – продолжает он.

– Спасибо большое – я жму его руку, такую грубую и тяжелую.

Дверь издает металлический скрип, и меня встречает улица. Через минуту я держу в руке небольшую холодильную камеру, наблюдая, как мой курьер уезжает по узким улочкам Брюсселя. Он любит детей в совокупности, а не их части. Я запомню эту доброту в его глазах, когда вновь доставлю маленькую печень в пригород Лондона.

Я делаю глоток свежего воздуха. Небольшие снежинки кружат на фоне серого неба. Они напоминают мотыльков, за которыми я наблюдал из нашего уютного дома. Я был совсем ребенком. Наверное, мои родители не пережили бы моей смерти. Особенно, если бы мои маленькие органы достались другим детям, чьи предки смогли за это оплатить. Фонарные столбы тянутся длинной цепочкой, и мне кажется, что на них висят преступники, и в каждом из них я вижу себя. Множество машин и спешащие люди. Пусть весь мир задохнется в безысходности собственного предназначения. Слоеный воздух ласкает лицо, и мне хочется бежать.

Серый ящик в моей руке с металлической блестящей ручкой тянет душу к земле, чтобы я пачкал белые крылья. Надо заметить, я в этом преуспел. Обьедки и пыль, грязные бензиновые пятна и черничное варенье. Я достаточно пробыл в анабиозе, чтобы погубить свою красоту.

Втягиваю свежий воздух, призванный давать жизнь высоким домам, людям в домах, животным в людях.

Я оборачиваюсь. Длинная цепочка гаражей. Они стоят по обе стороны дороги. Я делаю первый шаг и начинаю читать номера. А29. Б12. Я двигаюсь вперед, заглядывая в открытые ворота, где машины ремонтируют машины и горько пьют.

Морозильная камера тянет меня вниз, размером 50x80x50. Я чувствую холод, что проходит вдоль металлической ручки. Серый сейф с очередной деталью для богатых людей. Маленькому Освальду нужна жизнь, и я, подобно Богу, помогаю ее обрести. Я – посредник небес и ада. Все просто. Кто-то теряет, кто-то находит.

А17. Б8. Б11. Я смотрю в небо и думаю о Молли. Все ли с ней хорошо? Я постоянно думаю о ней. Мне кажется, что это взаимно.

Морозный воздух пробирает меня до костей, а под ними все еще слышатся отголоски пения подводных русалок из моего сна. Снег хрустит под ногами, как кости новоиспеченных младенцев. Мне кажется, что я слышу их плач.

Большая кирпичная стена серого оттенка, обнесенная надписями и дорожными знаками, чтобы придать ей хотя бы каплю неформального искусства. Я упираюсь в нее лицом так близко, что чувствую свое теплое дыхание, которое отражается от поверхности серого кирпича. Б16. Синие ворота гаража и черный автомобиль представительского вида с тонированными стеклами.

Я смотрю на часы. Пора.

Мелкая боль пробегает по костяшкам пальцев, когда я медленно стучусь в тонированное окно. Секунда, и задняя дверь машины отпирается, словно по волшебству. Из салона пахнет мятой и лимоном. Еще секунда, и я внутри.

Обивка из черной кожи ласкает мои ладони и открытую шею. Напротив небольшой монитор с выпуском новостей, в котором рассказывают о наводнении в Японии, об извержении очередного вулкана, но ни слова о морозильной камере, которую я едва затянул внутрь автомобиля. Они не расскажут об очередной почке для маленького Освальда и его отца, чтобы тот смог жить, не чувствуя постоянной сердечной боли.

– Все прошло хорошо? – спрашивает человек, который утопает в кожаном сидении.

Я медленно бросаю свой взор в его сторону.

Седые волосы, спутанные в стрижке, которая напоминает мне об армии. Такие прямые и строгие линии. Прическа либерала. Белые волосы гармонируют с голубыми глазами, зажатые в морщинистом лице. Они поблекли со временем. Весь цвет его души погас, оставив лишь слабый налет старости и грусти. Он понимает, откуда эта почка, я понимаю это. Однако, маленький Освальд не способен постичь столь циничный механизм его выздоровления. Ему не обязательно знать об этом.

– Да – я передаю ему морозильную камеру, и металлическая ручка обжигает холодом мою ладонь.

Его суровые черты лица слишком сильно скованы досадой и болью. Он все еще не верит, что решился на такой шаг. Черный смокинг, сигареты элитных сортов и боль, что поедает внутренности, подобно могильным червям. Он прекрасно понимает – его ребенок будет жить, благодаря смерти и дьяволу. В его глазах я вижу пустоту. Этот момент меняет не только жизнь, но и судьбу. Не удивительно, что многие наши клиенты, в конечном итоге, умирают в петле, либо от пули, пущенной в рот. Хотя, большинству плевать. Вопрос смерти слишком многозначителен.

Я молчу пару минут, чтобы позволить прочувствовать ему ценность жизни собственного ребенка.

– Мне пора – я открываю дверь, натягиваю кепку на глаза и вновь выхожу в морозный Брюссель.

A12. B16. A27. Я медленно иду по заснеженной тропинке, пока двигатель машины начинает жадно вдыхать свежий воздух. Я думаю о жизни и о маленьких детях, что приходят ко мне после пробуждения. Он думает об Освальде и смерти, которая продлевает его жизнь.

Мы думаем, а значит, у нас есть разум. Странная закономерность, мысли посещают и тех, у кого больше нет сердца.

4.

Двое суток в Брюсселе. Двое приторных суток в городе холодных людей. Совершенно один. Рядом нет Молли. Лишь я и Брюссель. Двое суток.

Я переступаю порог квартиры, которая была снята на несколько дней специально к моему визиту. За мной хлопает тяжелая деревянная дверь. Третий этаж, готические постройки за окном и снег, который кружит между небом и землей, в липкой атмосфере зимы.

Я скидываю куртку на пол, сбрасывая тяжелые черные ботинки, наполненные натуральным мехом. В квартире пахнет свежестью, осенними листьями и перегноем хвойных пород.

Небольшая прихожая 2x2 с коричневой тумбой из крепкого дерева и рядом золотистых крючков для одежды, которые заканчиваются лишь у белого выключателя, что так ярко выделяется на фоне темно-синих обоев. Две белые двери – ванна, туалет. Впереди арка, завешенная велюровой занавеской. Справа небольшой туннель в кухню, откуда пробивается свет, сквозь пыльное стекло в бежевой двери.

Бросаю ключи на тумбочку в прихожей. Оригинальная идея – оставить ключи в почтовом ящике для каждого квартиранта. Гениально.

Велюр ласкает мое лицо и пальцы рук. Он нежно скользит по коже, оставляя лишь приятный след, словно я снова отдаюсь ладоням Молли.

Молли. Как часто я думаю о ней?

Меня встречает мягкий свет, что проходит сквозь двойное окно и падает на стены комнаты, на потолок и пол. Темно-зеленый круглый ковер, который едва доходит до ножек большой кровати, что расположена у стены, под портретом Британской королевы. Синие стены, которые наполняют мое тело усталостью и легкостью.

Я так хочу спать.

По левую руку несколько больших шкафов. Они узкие, но касаются потолка. Сделанные из пластика и дерева, они наполняют интерьер, съедая миллиметры свободного пространства. Смесь природы и человеческого прогресса. Сколько скелетов за тонкими дверцами? Кладбище чувств квартирантов. Не от легкой жизни они падают в посуточную оплату квартир.

Я ложусь на кровать.

Она слишком мягкая, чтобы я жил в реальности. Моя голова касается наволочки из хлопка, и глаза начинают закрываться, подобно тяжелым жалюзи. Передо мной плазменный телевизор. Он закреплен на стену синего цвета. Черный квадрат загадки, пока я не жму на красную кнопку на сером пульте. Щелк, и я вижу сотни лиц в большом мегаполисе.

Брр, брр. Этот звук доносится из кармана моих штанов.

Молли.

Я нажимаю кнопку на сенсорном экране телефона, и линии операторов, подобно судьбе, сводят наши усталые голоса.

– Привет – доносится из аппарата.

Странно. Ее голос. Он стал другим. Телефонные линии меняют тембр, и из него пропадает та липкая сладость. Он стал механическим эхом. Голос, который я узнал бы из тысячи, сейчас явился совсем незнакомым, новым.

– Алло? – повторяет Молли.

– Привет. Ты почему не в постели? Я же слышу, как шумит вода в кухне. Тебе ведь сказал доктор, чтобы ты больше времени отдыхала – я беспокоюсь.

Молчание.

– Мне больно отдыхать. Понимаешь? – голос Молли дрожит, и я не прав.

– Прости.

Так коротко. Но в этих буквах и моем голосе Молли слышит, что я, действительно, сожалею. Достаточно лишь мига, чтобы прочувствовать всю глубину моей души. Ей достаточно одной секунды, чтобы понять, как сильно я беспокоюсь за нее.

Молли это знает.

– Как добрался? Сколько ты пробудешь в Брюсселе? – Молли переживает из нашей квартиры в Стокгольме – У нас снег.

– Недавно пришел в мой одноразовый дом. Мне нужно дождаться перевода. Думаю, это займет около двух дней. Представляешь, они сняли мне квартирку. Молли, без тебя меня не пускают в отель – я улыбаюсь.

Веду взглядом по синей стене, которая впитывает дневной свет, пока не фокусируюсь на письменном столе у самого окна. Подставка под ручки, белые листы для заметок и настольная лампа с высоким куполом. Я смотрю сквозь белую занавеску и вижу два горшочка с зелеными комнатными растениями. Кактус? А рядом с ним Рождественская звезда. Я вижу красные лепестки, что очаровывают меня красотой. Я вспоминаю детство и юность, с родителями и Молли.

Интересно, будут ли у меня дети?

Молли смеется.

– Все дело во мне? – спрашивает она, а после добавляет – Я скучаю.

Добрая грусть проникает в мой организм.

Странно. Из всего этого грязного мира, который не способен выдавить из меня хоть каплю эмоций, одна лишь Молли имеет столь неограниченную власть над моей душой.

– Конечно, в тебе – улыбка не сходит с моего лица – Молли, расскажи мне какую-нибудь историю.

– Ты засыпаешь?

От комнатных растений я перевожу взгляд на большой телевизор. Мне безумно интересно, как спасатели будут снимать с дерева котенка маленькой Сары. Я так хочу узнать о новом парке аттракционов в Риге.

– Закрывай глаза – произносит Молли, и я повинуюсь, подобно человеку, который услышал приказы своего Бога.

– Я обожаю тебя.

– Я знаю – коротко отвечает механический голос – Жила одна девочка. Она постоянно смотрела на часы, словно ожидая чего-то. Когда мимо ее окна пролетали комары, они звенели, подобно колокольчикам, и пытались ей что-то сказать. Ни один из них ее не кусал. Они летели роем на людей, но постоянно звенели, когда девочка смотрела на часы.

Ее голос и мое сознание. Я вижу большой циферблат, девочку с длинными рыжими волосами и мелкими веснушками, слышу звон комаров и чувствую запах солнца.

– Когда девочка смотрела на часы, она старела и медленно засыхала. Лишь дождь помогал ей жить. Она всегда хотела быть рядом с дождем, обнимать его за пределами облаков и любить, словно мужа. Однажды, часы девочки остановились, и она умерла. Комары пролетали мимо, но уже не звенели, а дождь бил по ее лицу.

Я представляю, как холодная, синяя от смерти, девочка взлетает в небеса, чтобы скрыться за горизонтом. Я вижу, как ее обдувает ветер, как птицы помогают ей подниматься выше.

– Вдруг, стрелки часов вновь побежали, но девочки уже не было рядом. Она танцевала высоко за облаками, обнимая холодный дождь. Она танцевала и радовалась смерти. Она танцевала и ждала, пока дождь вновь появится на небесах.

Я вижу босые ноги, которые ласкают мягкие облака, ощущаю теплоту солнца и касаний Бога.

– Давай, я буду той девочкой, а ты дождем?

Я не успеваю ответить и засыпаю под мелодичное пение птиц под облаками, над которыми танцуют милая девочка и холодный дождь.

Мне снится доброта Бога. Ко мне приходят образы из легенд, мифические существа и казни живых людей. Я вижу кровь и улыбки, что разрезают композицию пополам на «до» и «после». Я хочу умереть, чтобы остаться тут навсегда. И только сейчас я понимаю, сколько во мне эгоизма. В своих снах мы становимся добрее, а моя душа обретает те чувства, которые давно потеряла между посылками органов и больной любовью к Молли. Я вижу, как солнце падает за горизонт и разбивается на Земле. Тысячи маленьких осколков в сердцах больших людей – эстетика, способная изменить мир. Мы дарим солнце Дьяволу, забирая себе лишь прохладу Луны. А под нею маленькая девочка кружит в загадочном танце с дождем.

Я просыпаюсь от звука сообщения, которое пришло на мой телефон:

Ты уснул. Мне нравится слышать, как ты спишь. Я скучаю и жду. Двое суток. Чувствуй меня.

P.S.

Трахни кого-нибудь.

Молли.

Она всегда оставляет свое имя, чтобы я не забыл его. Почему-то, Молли действительно думает, что я способен окунуть ее память в бездну, когда она умрет.

Я думаю о ее словах. Перед моим окном ночной Брюссель и яркие неоновые вывески магазинов и клубов.

Наша интимная жизнь с Молли – запретный плод. Я готов принять болезнь, чтобы вновь войти в нее, услышать ласковые слова, которые она бережно шепчет мне на ухо.

Я начинаю вспоминать, и возбуждение проходит вдоль моего тела. Переспать с кем-нибудь? В основном, мы выбирали проститутку вместе. И пусть осудят люди, которые привыкли лишь судить, но совместный выбор «товара» сближает нас. Молли всегда выбирала тех, в ком видела свои черты.

– Думай обо мне – говорила она, пока дверь уютной красной комнаты закрывалась.

Продажный секс два раза в месяц эквивалентен нашему счастью. Она всегда грустила, когда я, едва дыша, выходил из липких комнат. Мы не станем семьей на Земле, для этого нам нужен космос.

Литва, и мы выбираем высокую русую девушку. Польша – кучерявая брюнетка с большими глазами. Чехия – дорогой отель, и пухлая девочка скачет на моем пенисе, пока Молли смотрит мультфильм на своем телефоне. Наша квартира в Стокгольме, и Молли впервые предлагает мне переспать не с ней. Автобус в Голландию, а я все еще отказываюсь. Публичный дом, и она смотрит на меня большими глазами, которые впитывают грусть и долг, счастье и надежду. Ее глаза – мои поломанные принципы.

Я отдаюсь и соглашаюсь.

Молли прочла в интернете, что мужчине необходим секс каждую неделю. Хотя бы раз в семь дней. Молли грустит, а я стараюсь убедить ее, что это всё всего лишь ложь. Мне хватает наших «экспериментов» и мастурбации. Разве ей это объяснишь?

А теперь я один, и уже не знаю, какую даму хочу.

Я вспоминаю о том, как счастлива была Молли, когда впервые выбрала мне жрицу на один час. В ее глазах я видел жизнь, до которой еще не добрались капли инфицированной крови. В теплом такси мою память посещает ее ненависть к каждой суке, которая коснется меня, оставит шрам на спине и проглотит моих детей. В прошлых днях я обнимаю Молли за талию, целую нежно в сухие губы, и она отворачивается. Ей не нравится, когда от меня пахнет другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.